

K 1436743

Автоморф

61

МЕСТНЫЙ ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

РУБЦОВСКИЙ ЦЕНТР Г. ВОЛОГДЫ

АВТОГРАФ

Литературно-художественный журнал

61

**Вологда
2011**

СОДЕРЖАНИЕ

Россия	3
ИЗБРАННОЕ	
Юрий Максимов	4
Сергей Вакомин	6
Татьяна Сёмина.....	7
Валентина Савенок	9
Наталья Сидорова	10
В МИРЕ РУБЦОВА	
Станислав Першин	
Ветлужский гармонист — поэт Николай Рубцов.....	12
Сергей Кувшинов.	
«При жизни портретов с них не лепили...»	17
Сергей Лагереv.	
Архивные находки	20
КОРОТКАЯ ПРОЗА	
Юрий Максимов.	
Вдовица (рассказ)	24
Александр Дубинин.	
Звездные мысли	29
КРИТИКА	
Виктор Бараков.	
Из сокровенной глубины.	
Повести и рассказы Александра Кирова	32
ГРАФИКА	
Виталий Бакуменко.	
Движущая сила искусства	
(К 90-летию художника А.Т.Наговицына)	38

РОССИЯ

*Под крики шайки оголтелой
Чужих и собственных Иуд,
Тебя босой, в рубахе белой
На место лобное ведут.*

*И старший сын указ читает,
А средний сын топор берёт,
Лишь младший сын ревя ревёт
И ничего не понимает...*

Николай Зиновьев

Юрий МАКСИМОВ

* * *

До слёз не скрываю обидно,
Страна, словно мачеха нам,
Счастливых всё менее видно,
Попрытались по сторонам.

И власть нам уже не подмога,
Радеет она о себе,
Талдыча: «Надейтесь на Бога
И вверьтесь покорно судьбе».

Неужто такая концовка
И мы для отпора слабы?
Да мне пред Всевышним неловко,
Что Русь населяют рабы.

Мы поздно всегда понимаем,
Нельзя от себя убежать,
Могилу России копаем,
В которой самим же лежать...

ПИСЬМО ПОЭТА, ЖИВУЩЕГО В ДЕРЕВНЕ

Эх, куковать мне в одиночку,
Пошла житуха под откос,
Поставить бы скорее точку,
Чтобы решился мой вопрос.

Мы с жёнкой прожили немало,
Притёрлись думал, что блажить,
Достатка, не совру, хватало,
Хотелось без напрягов жить.

Но хорохористой неймётся,
Она упёртая, при том,
Поладить с ней не удаётся,
Обставь по городскому дом.

К примеру, подавай джакузи,
О баньке следует забыть,
Мол жили тухами в Союзе,
Теперь иными надо быть.

Купи ей модную лежанку,
С массажем, чтобы прибалдеть,
А то проснувшись спозаранку,
Противно на меня глядеть.

Ровно сварливая старуха,
Что задолбала старика,
Нудит мне каждодневно в ухо,
Тут и сорваться недолга.

Уже забыла, что в колхозе,
Была и мягче и скромней,
Неужто служба при навозе,
Иными делает людей?..

С мещанским бытом я не дружен,
Ведь вдохновение спугнёшь,
Ответ готов — зовёшься мужем,
Через себя перешагнёшь.

Претит настырное старанье,
Создать ухоженный мирок,
Чу, за окном Пегаса ржанье,
Спешу шагнуть через порог...

СПб. 12.09. 2011 г.

ДАРИ ДОБРО И НЕ СЕРДИСЬ...

Деваха с пухлыми губами
За столик к гостю подошла,
— Поддержку окажите даме, —
И слёзной просьбой обожгла.

— Мой ухажёр куда-то смылся,
Позвал сюда поесть, попить,
А за кабак не расплатился,
Теперь не знаю, как мне быть...

Моей деньгой не рассчитаться,
Такой вот выдался конфуз,
С «халдеем» нечего вязаться,
Против меня он чистый туз.

— А я причём? — рыгнул в салфетку, Еврей, весь гладкий, как арбуз, Могу побаловать конфеткой, Однако я не профсоюз.

— Похоже вы из богатеев,
У вас и жадность не порок,
Особенно среди евреев,
За что вас презирает Бог...

— А ну, пошла отсюда прытко, —
Её он шваркнул по плечу, —
Ишь, разошлась, антисемитка,
Сейчас язык укорочу.

Тут, на глазах у всех, деваха,
В мгновенье ока, прыг на стол,
Послала иудея на х...
Здрав под нос ему подол.

Теперь уже не попируешь,
Изгажен даже весь сервиз,
Да разве с бабой повоюешь,
Коль оголён бесстыжий низ?

Мораль ясна без оговорки,
Помочь и падшим не стыдись,
Тому кто катится под горку,
Дари добро и не сердись...

ВСТРЕЧА В БИЛЬЯРДНОЙ

Сукно бильярда залито вином,
Шары все в лузах,
Кий, подобно шпаге
Рисует взмахами колючие зигзаги,
В руке соперника,
Он в качестве ином,
Положе дело явно к драке.

Задет игрой конвойный капитан,
Обыгранный в двух партиях вчистую,
Запамятовал истину простую,
Не хорохорься, если сдуру пьян.

Его партнёр спокойно оценил,
Спесивую манеру офицера,
К себе прилюдным жестом поманил,
Как приглашают в гости кавалера.

Взбешён разбушевавшийся буйн,
— Не потерплю, чтоб надо мной
смеяться,
Но победитель ловко умел драться,
Вторично был унижен капитан.

— Давай тогда продолжим на ножах, —
Остервенело тот не унимался,
И вот уже опасно целит в пах,
Но на финягу встречную нарвался.

К упавшему склонился бывший зек,
— Что, не узнал?
Попил мне кровь на зоне,
Особенно свирепствовал при «шмоне»,
А сколько душ невинных загубил?!
Я отомстил,
Ведь ты, не человек...

* * *

Евреи сберегли Россию,
Нам их наследники твердят,
А сколько русских покосило?
Спроси о том, отводят взгляд.

Спасители страны евреи?
Да быть такого не могло,
От слов подобных цепенею.
Нас миллионы полегло...

Но как всегда после победы,
Не для героев торжество,
Нас ожидали только беды
И мародёров пиршество.

Гешефты нам не по натуре,
Пуп надорвав, свой крест несли,
Но одолев шторма и бури
МЫ, кровью Русь свою спасли!

В этом году отдельной книгой вышла поэма Сергея Вакомина «По велению любви».

Сергей Вакомин — один из очевидных представителей поэтической «вологодской школы» в Санкт-Петербурге, хранитель и продолжатель лирической исповедальной традиции Николая Рубцова.

ПО ВЕЛЕНИЮ ЛЮБВИ

(отрывок из поэмы)

Часть восьмая

1

Рдеют рябины на зимнике.

Красен от ягод закат.

Ели

как древние схимники
в думе глубокой стоят.

Слышно

как птица чирикает.

Мирно распахнута высь.

Песню кузнечик пиликает,
встав на берёзовый лист.

Каждое дерево веткою

метит тебя зацепить ...

Нам ли

сегодня

приветную
землю свою не любить!

Ах,
как пичужка чирикает...
Вот она —
Родины близы!
Есть в этом что-то
великос,
пристальней только всмотрись.

2

Вот сяду в поезд...

У окошка

глаз не сомкну
до темноты.

Прощай,
Олёхина сторожка!

Прощайте,
во поле цветы!

Прощайте,
скирды и овины,
земли хранящие покой!

Я ехал к вам

сюда

с повинной,
по всем приметам —

городской...

Всё, что прошло —
неповторимо.

И свет оконеч —
навсегда.

И с жизнью связь —
нерасторжима,
как с полем хлебным —
борозда.

Я твой, земля!

И потому-то
святей святыни —
хлеб с полей!

Я в эту

грустную минуту
счастливей многих сыновей.
И голос твой

былинный,

вольный,

мне далеко нести в Края,
как эти будничные волны
несёт Шексна — река¹

в моря!

¹ Шексна — река — одна из многоводных притоков реки Волги

Что вспомню?

Околоток дальний,
избы родительской

крыльцо,

да взмах руки отца прощальный
и мамы скорбное лицо...

Ещё я вспомню колокольню,
что пробуждает в сердце стон,

и гул отчаянный,

и вольный,

в металл закованный —

лишь тронь

ещё не раз встревожит память,
в душе родится непокой...

Былых времён

былая заметь

какой окупится строкой?

ТАТЬЯНА СЕМИНА

СТРАНА ДЕТСТВА

Вологда — тепло и свет души,
Светлячком горит в избе окошко,
Сосны тихо плещутся в выши,
Тяжелят грибы моё лукошко.
Разбегусь и прыгну в синеву,
Полечу, сбивая росы, лугом,
А потом по речке поплыву,
К солнцу, обозначенному кругом.
Заберусь на радугу — блесну,
С каплями лучисто — дождевыми,
В омута озёрные нырну,
Ниц улав струями водяными.
Сказочная, добрая страна,
Феи и загадочного принца,
Изначально каждому нужна,
И всегда в ней ждёт меня

Жар — птица.

ОТРАДА

Я родилась среди холмов,
Под блеск и вспышки звездопада,
Среди нехоженных лесов,
И под ночные звуки сада,
Под переливчатость ручья,
Среди озёр и пойм в разливы,
И пересвисты соловья,
В расцвет лугов и хлебной нивы.
Я воплотилась в дух земной,
И посчитала жизнь — наградой,
И возлюбила мир душой,
И стала для тебя отрадой.

ГОРОД СПИТ

День истёк печалью пустыми,
Темнота заполнила эфир,
Сон пришел дорогами ночными,
В этот час он — идол и кумир.
Воздух пахнет запахом полыни,
Месяц чуть шербат и этим мил,
Город спит спокойствием богини,
Он устал, пусть наберётся сил.

ЗИМНЯЯ ПЕЧАЛЬ

— Демон или ангел,
или дух ночной —
С льдистою позёмкой кружит
под луной,
В крепкие оковы прячет ручеёк,
До колен склоняет дуба стебелёк...
— Осень открывает зимнюю страду,
Стылой пеленою холодит звезду,
Изморозью синей виснет над землёй,
Застилает травы снежной
простынёй...

2 ОКТЯБРЯ

Какие острые углы,
Как пресс сжимающие грани...
Напрасных, резких слов тиски
Так беспощадно душу ранят.
В ладонях — скомканная боль,
И ощущение замкнутого круга...
Привычная, заученная роль —
Терзать с ожесточением друг друга.
Себя бессмысленно казнить
Переступая то, что свято...
Твоей рукой оборванная нить —
За зоркость моего ума расплата.

КОСНИСЬ ГУБАМИ СЛОВ МОИХ

Снова голос твой простужен,
А в глазах бушует пламя...
Не плети ненужных кружев,
Прикоснись к словам губами
Ощути одним дыханием
Нежность музыки касаний
Осязая мир руками
Растворись, стирая грани
За непознанной границей
Привкус лета на ресницах.

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

Не уходи мой день, постой.
Давай часы, секунды сверим

Удачи стынувший настой
Как прежде, поровну разделим.
И эту искренность твою,
Что в свете дня осталось мало
Я выпью так, как горцы пьют
Вино из лучшего бокала.

* * *

Последний августовский день.
Роскошно вновь отходит лето.
От ив к воде полого тень,
Еще свежо дыхание ветра.
Лишь стал совсем беззвучным лес,
А ведь звенел еще намерзши.
Грустит безудержность небес —
Последний день, увы, последний...

ГИБКОЮ НИТЬЮ

Хмурые лица, сжатые губы
Холодные струи, как струны упруги.
Гибкою нитью, полуночно, шатко
Длинная шуба, русая прядка.
Темные окна, тусклые души
Танцующий ливень с рассвета

идуший
Чуть видимых линий невинная шалость
В мокнующих травах — тоска и усталость.
Лишь ветер бродяга то плачет,
то кружит,
То листья швыряет в зеркальные лужи
То взвост с досады, то стонет,
то просит
То гонит с порога беспечную осень.
А та беззаботно, вальяжно, красиво
Идет, наслаждаясь погодой

дождливой,
Гибкою нитью, тенью загадкой,
Длинная шуба, русая прядка.
Вышли все сроки, время настало
Быть ей сегодня хозяйкою бала.
Она так прекрасна, одета по моде,
Все и всегда совершенно в природе.
И может быть тем, кто дождей

не выносит
Смешно и нелепо сердиться на осень.

ЛЕДЯНАЯ РОЗА

Где весна любовью бредит?
Холода царят на всей земле
О тепле морозно грезит
Ледяная роза на стекле.
На границе тьмы и света
Как она бесстрашно хороша
В ризы брачные одета;
Словно вешая примета,
На нее смотрю я не дыша...
Мне б остаться безучастной
Охладеть бы сердцем и судьбой
Но беспечный призрак счастья
Увлекает в пламень за собой.

В АЛЛЕЕ

Случайная встреча в аллее —
Печальная память любви.
Наверное снега белее
На миг стали щеки мои.
Чуть вздрогнули спящие ветви,
Осыпали нас серебром.
И шепсел обычных приветствий
Звучал, как раскатистый гром.
Но взглядом уже не согреться.
И в воздухе стынют слова,
Озябшего, бедного сердца,
Дыханьем касаясь едва.
А помнишь, нам было теплее
В лучах иступленной весны?...
Зачем эта встреча в аллее
Встревожила зимние сны!

ЦВЕТЫ

Еще любви не тронула печаль,
Твои цветы, как первый дар весны.
Еще хранит изысканный хрусталь
Их ароматов призрачные сны.

И я смотрю на розовый букет,
Как на зарю, пролитую с небес.
Еще не дан решительный ответ,
Но сердце верит в торжество чудес.

Когда увянут юные мечты,
И жизнь на миг покажется пуста,
Давай поставим в комнате цветы,
Согреет нас живая красота.

И сохранит изысканный хрусталь
Их ароматов призрачные сны...
О, пусть любви не трогает печаль!
Твои цветы, как лучший дар весны.

* * *

Осенний дождь мне шепчет о печали.
Счастливых дней нам не вернуть назад.
Испуганно деревья замолчали
И птицы позабыли старый сад.

Померкла синева над головою,
Застыли руки, сжатые в мольбе,
Засыпанные мертвою листвою,
Дорожки сада грезят о тебе.

Совсем недавно музыка живая
Встречала нас, стрекозами звеня.
Осенний дождь, твои следы смывая,
Печалью выстигает голос дня.

Прощальных слов еще витают звуки,
Еще душа у нежности в плену...
Осенний дождь погасит боль разлики,
Осенний дождь подарит тишину.

* * *

Листку с ветвей легко ль срываться,
Лететь неведомо куда?
Мой друг, как трудно расставаться,
Не зная, свидимся ль когда?

Тревожно, бережно и тайно
Я буду думать про тебя,
А ты, вдали безвестно тая,
Живи не мучась, не скорбя,

И для меня останься милым,
Послушно памятью храним.
Прощай, и в слабости, и в силе
Всегда будь принят и любим.

А если вдруг в судьбе крушеньё
И нестерпимая печаль,
Тогда пусть светит в утешеньё
Надежды тихая свеча.

* * *

Под пылающим небом
Все бледнее земля.
Каждым малым побегом
О пощаде моля.

Словно многим повинна
Пред последним судом,
Горько никнет осина
Над холодным прудом.

Ветер смолкнуть не хочет,
Заглушая мольбу,
Как безумный пророчит
Грозовую судьбу!

Не пугай меня, ветер,
Ты молитву мою
Унеси на рассвете
В край, где птицы поют.

* * *

Когда, обжигаясь бессонницей,
Я слушаю ветры ночные,
Судьба, я готова заложницей
Терпеть все дороги земные.

Чтоб, в странствиях трудных уставшая,
Я стала мудрей и печальней,
Чтоб, истину в скорби познавшая,
Душа понимала молчание...

Однажды настигнута молнией —
О, счастья мучительный опыт! —
Смогла б разгадать я безмолвие
И ветра таинственный ропот!

* * *

Эту ложь кто придумал,
что будто бы сладко
Задыхаться удушливым чадом страстей?
Пусть над миром царит вековая загадка,
Птицей вырвись, душа,
из проклятых сетей!

Не оплакивай день, угасающий ало.
От предчувствий полета
в ночи холодей.
Все оставишь земле, что недолго сияло.
Ветер вечных высот
дышит в души людей.

СПЕТЕНИЕ

По дорогам февраль гонит
Снежную пыль.
Затихает печаль,
Вспомнив нежную быль.
Быль далёких времён,
Как душа мудреца
В свитке детских пелён
Повстречала Творца.

В белом храме светло.
Дым кадильный разлит.
Стало сердцу тепло
От дыханья молитв.
И не страшно уже
Будет в трудном пути.
Ныне с миром в душе
Ты меня отпусти.

На дорогах судьбы
Кто любви не просил?
От тоски и борьбы,
Выбываясь из сил.
Милосердный Господь,
Всех прощаешь любя.
Средь житейских невзгод
Только б встретить Тебя.

РОЖДЕСТВО

За окном луна в сугроб садится,
Вся земля — сверкающий амвон!
Эта ночь молитвами святится,
С неба льется звездный перезвон.

В доме хвоя, пахнущая остро...
И душа, младенчески чиста,
В эту ночь таинственно и просто
Принимает Рождество Христа.

Потому мороз в Российском крае
Начертал в январской стылой мгле,
Как напоминание о рае,
Пальмовые ветви на стекле.

ВЕТЛУЖСКИЙ ГАРМОНИСТ — ПОЭТ НИКОЛАЙ РУБЦОВ

...игравший человек не видел меня, хотя он ни секунды не сидел неподвижно: его водила, качала, закручивала и раскручивала мелодия. Мне казалось, что он руководит симфоническим оркестром. Это был Николай Рубцов.

И.С. Грачёв

Николай Рубцов единственный раз побывал на Ветлуге по приглашению Александра Сизова, студента, только что окончившего второй курс Литинститута. Восемнадцатилетний ветлугаец вскоре после зачисления «в студенты» (23 ноября 1967 года) обрёл уже знаменитого товарища, студента-заочника, поэта Н. Рубцова. Вспоминает Сашин «сокомнатник» по общежитию, нижегородский прозаик В.А. Николаев: «...вскоре мы услышали о «Звезде полей» Николая Рубцова и увидели и его самого в нашем общежитии. И Сизов, покорённый его стихами, не отставал от Рубцова ни на шаг. Рубцов был заочник, на лекции не ходил, и Сизов последовал его примеру. Днями он чаще бывал в общежитии нежели на институтских лекциях. Рубцов для него был больше, чем сам институт. Он узревал его всюду и следовал за ним неотступно по всем этажам. Бывали они и в нашей комнате, где мы с Сашей жили...»¹

29 июня 1969 года Николай Рубцов вышел из вагона поезда на стан-

ции Ветлужская, доехал на автобусе до старинного городка Варнавин, и на улице Продотрядников, около почты встретился с Александром. Николай был уставший, небритый и затрапезно одетый. Эпизод встречи Сизов описал в одиннадцати прижизненных публикациях. В десяти из них туманно сообщает, что повёл Рубцова — то домой, то к знакомым, то просто куда-то... И лишь спустя 25 лет приоткрыл «тайну» — пошли они с Николаем к его старшей сестре Валентине Алексеевне, жившей с семьёй в собственном доме, где состоялся дебют Рубцова, как ветлужского гармониста: «...Варнавино — город старых уездных кровей. Сюда приятно привозить гостей, водить их старинными парками вдоль угора над Ветлугой...

Вот и тогда, 25 лет назад, в 1969 году пригласил я в гости своего товарища по Литинституту Николая Рубцова: чтобы приехал он прямо на престольный праздник Святого Варнавы, основателя городка. Он и приехал на варнавинскую годину. [А.Сизов запомнил. Рубцов приехал в воскресенье на праздник «День советской

¹ Николаев В.А. В Литинституте с Сизовым и Рубцовым // Сизовские чтения. Н. Новгород, 2002. — С.20.

молодёжи», а Престол в 1969 году отмечался 24 июня во вторник. — С.П.]. И — надо же такому случиться — среди толп гуляющего, празднично одетого народа сталкиваемся с ним нос к носу: иду по улице, а он вываливается из боковой двери почты, как птенец из гнезда. Взырошен и небрит, одет не по погоде в замшевую курточку, изрядно, до глянцевого блеска затёртую, засаленную. Весёлые, нарядные люди оглядывались на него — что ещё за лотрыжка приехал на праздник, а он, кажется, кожей ощущал эти докучливые взгляды и ёжился, зверькова-то озирался.

Только у моей сестры Вали, побрившись и умывшись, переодевшись в свеженькую рубашку с закатанными рукавами, сев к застолью да выпив, да взяв в руки гармонь, он и расправился, глянул на мир прежним бравым морячком. Какое там лотрыжка! За столом сидела и сыпала частушками, наигрышами и переборами душа соколиная, радость и очарование загудевшей компании....² Играл поэт на гармонии, принадлежавшей семье сестры Александра.

В родительском доме Саши, в деревне Ляпуново близ Варнавина, в его руки попала семейная гармонь Сизовых: «В деревне Ляпуново, где мы жили у моей матери, увидел гармонь, хромку с разорванным ремнём. Сразу, как ребёнок, потянулся к ней. Наладил ремень, связав его обрывком бельевой верёвки, развернул меха. С нарочитой хрипотцой, с «подтрясом», играя ухаря, запел:

*Финочкой забрякали,
Отец и мать заплакали.
Не тужи, отец и мать,
Сырой земли не миновать.*

— У нас на Сухоне поют такие отчаянные частушки. Они так и называются — «хулиганские частушки». Я их много знаю, хочешь, ещё спою...

Но запел не частушку, а свою «Осеннюю песню». Запомнились строчки, которые не вошли в сборник:

*Я в ту ночь полюбил
Сумасшедшие листья,
Все запретные мысли,
Весь гонимый народ.*

Судьба гнала его самого, как сухой листок, и он, жалея всех гонимых судьбой, видел себя в них».³

Александр Сизов пригласил в гости в деревню Ляпуново своего «литературного крёстного отца», заместителя редактора районной газеты «Новый путь» Ивана Сергеевича Грачёва (1934–1995), впоследствии вспоминавшего: «...Ещё на школьной скамье я держал его на крючке стихов...» (1994 г.). Состоялось знакомство поэта с газетчиком. Последний пригласил Рубцова в редакцию. «Приём гостя вёлся под кудрявыми акациями Ленинского сада на деревянной скамейке».⁴ Николай Михайлович передал И.С. Грачёву около 30-ти машинописных автографов стихотворений и один рукописный. После отъезда поэта из

³ Сизов А. «По лесам, в окрестностях Ветлуги»: (Встречи с Н.Рубцовым) // Север, Петрозаводск, 1988 (11). — С.103–110.

⁴ Ераполова З.К. Встречи в варнавинской редакции: (отрывки) // Вестник краеведов. 2011. Дзержинск (Нижегород. обл.), 2011. Вып. II. — С.46–49.

² Сизов А. Праздник поэта России // Знамя, Решетиха (Нижегород. обл.), 1994. — 25 авг. — С.3.

Варнавина, девять были опубликованы в газете.⁵

Спустя 25 лет И. С. Грачёв подал свой голос «вспоминателя» о посещении Рубцовым Ветлуги: в отрывке мемуаров «Пора воспоминаний» он пишет: «К середине 60-х годов относится моё двухнедельное знакомство с поэтом Николаем Рубцовым. В тексте фигурирует ещё имя Александра Сизова, к сожалению, не ставшего литературным именем после окончания Литературного института. То, что я буду рассказывать об этих людях, не дадут соврать ни одного слова две сестры Александра. А главный свидетель тех давних событий — Анатолий Сизов, работяга, бригадир в горном транспорте ГОКа. <...>. Предлагаю начало рассказа про мои встречи с Николаем Рубцовым в родительском доме Александра и Анатолия Сизовых. Если мои мемуары заинтересуют читателей <...>, то со временем, скажем к началу 1995 года, представлю рукопись...» (Увы... Мечта не осуществилась... Публикуемое ниже начало рассказа — единственное; что оставил нам автор. В 1995 году болезнь свела Ивана Сергеевича Грачёва в могилу).⁶

«Кто-то где-то пиликал на гармони. И звуки-то вроде писклявые, но какое русское сердце не восторгнется при их возникновении!

Я растерянно и беспомощно оглядывался вокруг, не понимая, откуда они просачиваются. Небольшая дере-

вушка в два ряда с большинством заколоченных, а то и вовсе заброшенных домов, банек, амбаров прилеплась на самом краю высоченного угора на правом берегу Ветлуги с густо навтыканными острыми ёлками. И только по деревне вольготно развесили мощные ветви тополя, берёзы, рябины. На сине-голубой полосе лесов чуть волнистого Заветлужья они выглядели великанисто. Вдали к северу горбилась легендарная Лялина гора. А внизу под деревней широко и пусто-сахарно белели пески излучины реки — эх, да такие-то бы да на ялтинские галечные пляжи!

Стояла послеполуденная жара. Тишь. Безмолвие. Безлюдие. Откуда быть гармонии, у кого праздник? Да и наигрыш-то проклёвывался непраздничный: «Степь да степь круго-о-ом, путь далё-ёк лежи-и-ит...» И тут я учуял, что играет не здешний гармонист. Здешние любую мелодию ведут одним звуком, переставляя пальцы по кнопкам поочередно с одной на другую, а басами чаще всего невпопад. А этот как бы только обще обозначив мотив, тихонько выдавал аккорды, державшиеся на басовых опорах-сваях. Шельмец, он явно знал полную грамоту и блюл её даже на местной растрепанной двухрядке-хромке.

И я начал на ходу строить догадки. Меня вытащил из редакции местной районки велосипедный нарочный от Сани Сизова братишка его, среднешкольник. Тот звал к себе домой, в деревню Ляпуново. Дескать, привёз в гости из Москвы какого-то Руфцова. то ли Румцова — от запыхавшегося шкета-велосипедиста я не очень понял фамилию. Ну, раз Саня зовёт, значит, что-то экстраординарное. Сколько раз

⁵ Николай Рубцов. Звезда полей горит не угасая // Новый путь, Варнавино (Горьк. обл.), 1969. — 10 июля. — С.3.

⁶ Грачёв И.С. Пора воспоминаний // Качканарский рабочий, Качканар (Свердл. обл.), 1994. — 27 авг. — С.3.

он, студент Литинститута, бывший работник нашей редакции, а ещё раньше — ещё на школьной скамье я держал его на «крючке» стихов, приезжал домой и всегда сам приходил на свидание в редакцию.

Деревенка его — в двух верстах от Варнавина. И случилось так, что я исползал по району каждый даже заброшенный лесной починок, это самое Ляпуново видел тыщи раз. В соседних на угоре деревнях Кирышине и Анисимове бывал многократно, а в Ляпунове — нет. Поэтому и не знал, где живёт Саня. Гармонь и подсказывала: тут он живёт, больше у кого играть. Я потянулся на гармонь, как гвоздь на магнит.

И увидел такую картину.

Под густой цветущей рябиной, вроде прямо из-под земли дымила деревянная труба. Ага, рябина росла на бугре, под которой поставлена баня с дерновой крышей, заросшей травой, цветами. На бугре же, под рябиной, слоновыми ушами расплашмялись лопухи, среди них зелёным шёлком отблёскивали ленты листьев конского щавеля, высоко выбросившего красные хвосты семенников.

Среди этого лопушастого буйства и блуждала-ползла вязь гармонных звуков, будто запуталась в летнем озорстве. Не сразу я разглядел лысенький затылочек маленькой остроносенькой головки, голые и до стыдобы белые погородски плечишки. Игравший человек не видел меня, хотя он ни секунды не сидел неподвижно: его водила, качала, закручивала и раскручивала мелодия. Мне казалось, что он руководит симфоническим оркестром, хотя над ним и перед ним только перепархивали белобабочки-капустницы: вот

одна села на плечо, поелозила в стороны, перепрыгнула на гармонь.

Это был Николай Рубцов.⁷

Исследованием обстоятельств пребывания Рубцова на Ветлуге и поиском лиц, видевших или общавшихся с ним, длительное время занимается представитель старинного рода ветлугаев Кирбитовых, спокон веков живущих на земле Поветлужья, Юрий Александрович. Он родной брат Леонида, у которого студенческие товарищи ночевали на повети⁸ во дворе дома в посёлке Нижник на Ветлуге во время паломничества в лесное варнавинское Заветлужье на Лялину гору, предпринятого Сашей, чтобы Николай воочию увидел лесные дебри, где когда-то творил свои чёрные дела мифический разбойник Ляля.

В 2000 году в деревне Ляпуново Ю.А. Кирбитов интересовался: «...а помнит ли кто-нибудь из оставшихся немногочисленных селян гостившего тридцать лет тому назад Н. Рубцова? Нашёлся мой знакомый, небольшого роста, худощавый Владимир Сергачёв, одетый, как в старину в красную рубаху. С доброй улыбкой, искренне поведал свои детские воспоминания: «Александр и приехавший к нему небольшого роста, щуплый, лы-

⁷ Грачёв И.С. Это был Николай Рубцов // Качканарский рабочий, Качканар (Свердл. обл.), 1994. — 27 авг. — С.3.

⁸ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Спб., 1890-1907. Поветь — не жилица пристройка к крестьянскому дому сзади над хлевом, для хранения скотского корма, земледельческих орудий, дровней, телег и других хозяйственных принадлежностей; здесь же устраивают и клеть. Иногда поветь означает чердак, сарай, сеник, крышу над двором (в Вятской, Вологодской, Нижегородской и Тверской губ.), крытый тёплый двор и навес.

соватый гость на этом вот огороде соорудили из берёзовых жердей лавочку. Это потом я узнал, что гостем был известный поэт Николай Рубцов. Гость, сидя на ней, играл на гармонии, пристально вглядываясь на Ветлугу и заветлужские леса. Вид был открытый. Красота! Это сейчас всё застилает вымахавшая поросль берёз и елей. Мы же, ребята, варили на бугре уху из пойманной рыбки, да с любопытством разглядывали незнакомца, слушающая игру гармони...»⁹

Такова история невольных «гастролей» поэта Николая Рубцова летом 1969 года, сохранившаяся в памяти трёх ветлугасов: Ивана Грачёва, Владимира Сергачёва и Александра Сизова.

А что хромка-двухрядка семьи Сизовых? После кончины родителей её наследовал Александр, и она «прописалась» на земле Черноречкой. В 1994-1997 годах он, уступая просьбе Д.А. Ширяева, основателя Литературного музея поэта Н. Рубцова, соглашался передать гармонию в качестве экспоната, при условии: отдел культуры предоставит взамен любую другую, в независимости от состояния. Это легко выполнимая просьба, но отдел культуры «кормил обещаниями» свыше трёх лет, и обмен инструментами так и не состоялся: А.А. Сизов скоропостижно скончался...

В начале 1998 года мои попытки заполучить хромку, как экспонат в музей Н. Рубцова, не привели к успеху. Эта неудача сейчас доставляет мне огромную радость. Почему? Дело в том, что

в 2003 году земляки в Варнавине учредили Литературный музей Александра Сизова и, по моему глубокому убеждению, гармонь обязательно должна была вернуться на Ветлугу.

23 сентября 2011 года на IX Сизовских чтениях, посвящённых 75-летию Н.М. Рубцова, Зоя Михайловна Автаева, вдова А.А. Сизова, преподнесла безвозмездно в дар музею сохранённую гармонию. Всё возвращается на круги своя...

На Чтениях игру на хромке продемонстрировал 83-летний варнавинец, записной гармонист Александр Васильевич Кузнецов. На мой вопрос: «Каков, по-вашему, её возраст?», — он поведал: «Она изготовлена в конце 1950-х годов, так как в 1957 году я купил точно такую же. Их только что стали выпускать с переключателем регистров». Надпись на табличке: «Тульский совнархоз. Гармонная фабрика». Совнархозы были организованы в 1957 году.

Гармонь, доставлявшая радость двум студенческим товарищам — Николаю Рубцову и Александру Сизову, как память о них, обрела музейный покой на земле Ветлужской.

*Нижегородчина. Черноречье.
2011. Октябрь. 29.*

⁹ Кирбитов Ю.А. Дорогой воспоминаний / Литературная обработка С. Першина // «Нам о том рассказывали сосны...» — Держинск (Нижегород. обл.), 2006. — С.41-46.

75 лет прошло со дня рождения Н.М. Рубцова и сорок лет с того дня, как его не стало. За своё воистину незаурядное поэтическое дарование, по полному праву, причисленного сегодня к числу литературных российских классиков.

1 июля этого года исполнилось 14 лет, как не стало нижегородского литератора Александра Алексеевича Сизова, начинавшего свой творческий путь в большую литературу в Литинституте имени М. Горького. Именно там, будучи студентом первого курса дневного отделения, он познакомился и поддерживал в 1968-1970 годах товарищеские отношения со студентом-заочником Николаем Рубцовым, приезжавшим на экзаменационные сессии.

Летом 1969 года Николай Рубцов, только что закончивший Литинститут (годом ранее он стал членом Союза писателей СССР), наконец-то, внял неоднократным приглашениям Александра Сизова побывать у него на родине, и 29 июня в воскресенье, в День советской молодёжи прибыл на Ветлугу, в деревню Ляпуново, близ старинного городка Варнавин, где гостил непродолжительное время (9-12 дней) в доме родителей Александра.¹

Саша Сизов ознакомил Николая с рассказом И.С. Воронова «Ляленка».² Основу его составляет «бывальщина» о

разбойнике Ляле. Затем товарищи совершили паломничество в варнавинское Заветлужье и побывали на Лялиной горе, где Николай Рубцов воочию увидел местность, «...где гулял когда-то Ляля грозный, сея страх по всей лесной округе...». По возвращении на Вологодчину он, осенью, в гостях у Василия Белова, написал первый вариант «Разбойника Ляли»³, названный им былью, а позднее — лесной сказкой.

«Вернуть бы те несколько дней, проведённых с большим поэтом!» — писал позднее в своих воспоминаниях Александр Сизов о Николае Рубцове. Сам он не успел побывать на Вологодчине в гостях у ещё живого Николая: лишь в январе 1971 года проводил его в последний путь...

Инициативная группа жителей города Дзержинска в составе: поэта В.К. Денисова, собирателя старинных предметов народного быта А.А. Кириллова и краеведа-библиофила С.А. Першина, движимая желанием увековечить память об Александре Сизове и пребывании Николая Рубцова на Ветлуге, разработала макет, искала средства и оплатила изготовление памятной доски.

Оформил гранитную доску нижегородский художник, почитатель лирики Н. Рубцова Хабиб Халитович Сейфетдинов. Портрет Александра Сизова он выполнил по графическому портрету работы дзержинского художника Евгения Александровича Ухлина (1998 г.). Портрет Николая Рубцова создан

* Колесов А.С. На Ветлуге. — Н. Новгород: Русская линия, 2004. — С. 16-17. В сборнике стихотворений «Божий промысел».

¹ Сизов А.А. Рубцов на Ветлуге: Страницы воспоминаний // Новый путь. Варнавино, 1984. — 23,25 февр.; 1,3 марта

² Воронов И.С. Ляленка: рассказ // Новый путь. Варнавино, 1967. — 20.23 мая.

³ Рубцов Н.М. Разбойник Ляля (Лесная сказка) // Сельская молодёжь, 1971 (9). — С.10-11.

Хабибом Сейфетдиновым по фотографии, опубликованной на литературной, «рубцовой» странице варнавинской газеты «Новый путь» 10 июля 1969 г. Автор фотографии — фотокорреспондент газеты Фёдор Дмитриевич Смирнов (фамилия не указана). Авторство установил ныне покойный основатель музея Н. Рубцова в Дзержинске Дмитрий Александрович Ширяев (1950–2010), к сожалению, подлинник фотографии и негатив не сохранились.

Тексты исполнены художником красивым, изящным шрифтом:

— *В этом доме в 1963–1972 г.г. жил поэт, прозаик, журналист Александр Алексеевич Сизов;*

— *Здесь летом 1969 г. гостил знаменитый поэт России Николай Михайлович Рубцов.*

23 июня 2011 года инициативная группа сняла временную памятную доску и установила постоянную на бывшем доме родителей А. Сизова, при доброжелательном, разумеется, согласии нынешних владельцев, деятельном и заинтересованном участии представителей местной администрации и директора ЦДБ имени А. Сизова Татьяны Николаевны Сидоркиной. В этом мероприятии приняли участие варнавинцы, помнившие приезд Н. Рубцова на Ветлугу, и однокашники Александра Сизова по учёбе в «кирпичной красной школе», которым он говорил о своём кумире: «Им будет зачитываться вся Россия! Его стихи положат на музыку, и эти песни зазвучат по радио...»⁴ В библиотеке с 2003 года функционирует Ли-

тературный музей Александра Сизова, где представлен материал о посещении поэтом-вологжанином Поветлужья.

В этот же день в литературной гостиной Центральной детской библиотеки имени А. Сизова состоялась творческая встреча с дзержинским поэтом Вячеславом Константиновичем Денисовым, в 1980 году регулярно беседовавшего с Александром Сизовым в редакции газеты «Дзержинец». Встреча была посвящена памяти Александра Сизова. Поэт поведал собравшимся варнавинцам предисторию создания памятной доски (осенью 2010 года на Сизовских чтениях была установлена временная доска), прочитал свои стихотворения, посвящённые Н. Рубцову и А. Сизову, историческому прошлому России. Впервые прозвучало стихотворение к предстоящему Престольному празднику Св. Варнавы (24 июня), в котором дзержинцы приняли участие на следующий день: присутствовали на церковной службе, участвовали в крестном ходе и открытии выставки, посвящённой памяти нижегородского митрополита Николая — исполнилось 10 лет со дня его кончины.

Как бежит время! Но сохраняется память... И вот на граните портреты студенческих товарищей Николая Рубцова и Александра Сизова. Два представителя великой русской литературы, с величайшей сосредоточенностью взирают на случайных прохожих, топчущих землю, на их скромный быт и откровенно печалются... А на зеркальной поверхности памятной доски отчётливо отражаются синее небо и белоснежные облака над Ветлугой...

⁴ Суворов В.И. Бы ли Рубцов проводцем? (свидетельства очевидцев) // Новый путь. Варнавино. 2006. — 31 января.

Сергей Кувшинов
Дзержинск.
Нижегородская область.

Сергей КУВШИНОВ

* * *

Памяти Н. Рубцова

Опять я с книгою Рубцова
Сижу, читаю допоздна.
Звучат, звучат в тиши сурово
Его стихов колокола.
Мне даже кажется что где-то
Тревозжно в них гудит набат.
Какие думы жгли поэта
В часы сомнений и утрат.
Судьба его жестоко была.
Но он шагал к звезде полей
И черпал жизненные силы
У тихой родины своей...

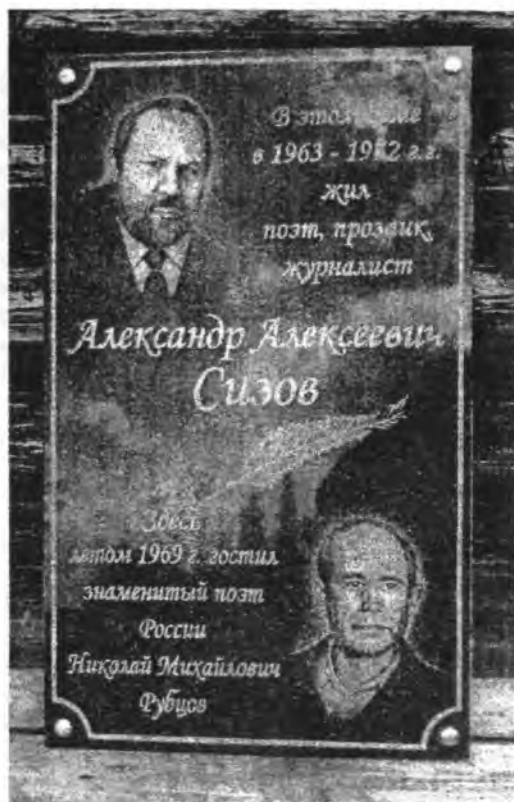
2 марта 2006 г.

* * *

Памяти А. Сизова

Отражённые в Ветлуге
Проплывают облака.
И стихов Сизова струги
К нам спешат издалека.
Через годы, через вёсны,
Горделивы и легки.
Звонко вспенивают вёсла
Гладь зеркальную реки.
Эти вирши, как мессия,
Оставляют в душах след.
В них Варнавин и Россия,
Всё, что так любил поэт.
Чудотворцем бородатым
Развеивает свежий бриз
Паруса таких крылатых
Поэтических страниц.

31 июля 2011 г.

Примечание: мотив стихотворения навеян облаками, отраженными на поверхности памятной доски, установленной на бывшем родительском доме Александра Сизова в деревне Ляпуново близ Варнавина.

АРХИВНЫЕ НАХОДКИ

Каждый архивный документ имеет свою историю, свою «биографию»: как получен документ, от кого, когда написан, что происходило в то время и т.д. Мне всегда интересны такие исследования. Порой они приводят к неожиданным результатам. Сегодня мне хочется рассказать о двух письмах, напрямую связанных с жизнью выдающегося русского поэта Николая Рубцова.

В 2001 году в Сургуте проходили литературные вечера, посвящённые 65-летию со дня рождения Николая Рубцова. Среди приглашённых на эти празднества гостей был и поэт из Тюмени Николай Денисов. Он знал Рубцова, так как в одно и тоже время учился вместе с ним в Литературном институте. Мы подолгу говорили с ним о поэте. Он интересно рассказывал об их встречах, показывал редкие фотографии. Помню, тогда в разговоре, Денисов вспоминал о том, что он в 1969 году советовал тогдашнему секретарю писательской организации К. Лагунову послать приглашение Рубцову для приезда его в Тюмень на Дни литературы. Но письма этого никто не видел, и никто не знал, отправил ли Лагунов его или нет. Во всяком случае, Николай Рубцов в Тюмень не приехал. Прошло несколько лет, и эта тема неожиданно «всплыла» вновь.

В 2004 году, будучи в Вологде, я побыл в гостях у поэтессы, близкого друга Николая Рубцова — Нинель Александровны Старичковой (ныне, к сожалению, уже покойной). Она мне показывала свои архивные материалы, автографы и вещи поэта. В конце, уже перед моим уходом, Нинель Алексан-

дровна вдруг ушла в маленькую комнату, и принесла какой-то листок. Отдала мне со словами: «Я не знаю, что помешало ему приехать. Но пусть тогда хоть письмо будет у вас!» Это был оригинал приглашения Н. Рубцова в Тюмень на Неделю поэзии. Вот именно это письмо и было отправлено в Вологду с подачи Николая Денисова, и именно об этом он мне рассказывал в 2001 году на Рубцовских вечерах в Сургуте. На пожелтевшем от времени фирменном бланке Тюменской областной писательской организации было напечатано следующее:

20/X. 1969.

Дорогой Николай!

В середине декабря будет проходить четвёртая Тюменская Неделя поэзии, в которой примут участие поэты Москвы, Ленинграда, Свердловска, Новосибирска, Омска, Кургана и Тюмени.

Тюменская писательская организация просит Вас принять участие в Неделе. Во время Недели поэты побывают в Тобольске, на Ямале, в Приобье. Встретятся с геологами, рыбаками, нефтяниками, хлеборобами, строителями. Своими глазами увидят как в глухой, болотистой тайге и непроходимой тундре создаётся крупнейший энергетический гигант мира.

Наша организация берёт на себя оплату всех командировочных расходов, а также за участие в коллективных выступлениях (их намечено до 20) Тюменское бюро пропаганды выплачивает гонорар каждому поэту по 30 рублей. За «солёные» поэтические вечера будет вы-

плачиваться гонорар в зависимости от сбора, но не менее 200 рублей.

В ходе Недели участники её выступают по Тюменскому, Ханты-Мансийскому, Нижне-Вартовскому телевидению и окружному радио. Их произведения будут напечатаны на страницах областных газет.

Мы рады будем видеть Вас на земле Тюменской, среди участников поэтической недели. Пожалуйста, сообщите нам, согласны ли Вы с нашим предложением.

С дружеским приветом.

Ответственный секретарь писательской организации

К. Лагунов

Помню, получив этот документ, я порадовался тому, что стихи Рубцова знали и любили в нашей области уже и в те года. Но, оказывается, не всё тогда было так, как я думал, не всё было так безоблачно. Николай Денисов во время нашей с ним встречи в Сургуте в 2001 году, кроме того, что посоветовал Лагунову пригласить Рубцова, больше ничего о происходящих тогда событиях не говорил. Позже эта тема пополнилась другими интересными фактами — например, нашлось ответное письмо Рубцова. Об этом, и о других перипетиях, происходивших тогда, Николай Денисов пишет в своей новой книге воспоминаний, выдержки из которой, непосредственно об этой истории, он прислал мне недавно по почте. В них хорошо чувствуется атмосфера тех лет в Тюмени. Представляю их читателю.

«... Осенью 69-го года, «набрасы-

вая» в нашем Союзе списки писателей и поэтов, которых мы хотели пригласить на планируемые летом 1970-го года первые Всесоюзные Дни советской литературы в Тюменской области, я попросил ответственного секретаря Константина Лагунова внести в список и Николая Рубцова. Лагунов послал в Вологду приглашение поэту. (Этот документ и подарила мне Н.А. Старичкова — С.Л.) Николай Рубцов ответил быстро. Вот что он писал:

Дорогой Константин Лагунов!

Я получил Ваше письмо с приглашением на Неделю Тюменской поэзии! Благодарен Вам за это предложение и отвечаю на него полным согласием.

В таком случае держите меня, пожалуйста, в курсе дела, сообщите, пожалуйста, конкретные шаги в этом направлении.

Сердечный привет тюменским писателям и поэтам!

Николай Рубцов.

Мой адрес: г. Вологда, Писательская организация

12/XI— 69г

«... Аккуратная наша секретарь-бухгалтер Зинаида Алексеевна Белова, как все входящие письма и документы, прибрала к месту, «подшила» и письмо из Вологды. По каким причинам приезд Рубцова в Тюмень в июле 70-го года не произошёл, не знаю».

«... Рубцовский ответ в Тюмень «всплыл» вдруг через много лет — в газете «Тюменские известия» (15.05.20004), где некто А. Гришин до своей ранней кончины (при главном редакторе «из-

вестий» Юрии Бакулине) заведовал, им же созданной, «апрелевского» толка, литературной страницей, резко позиционируясь с русскими патриотами. И вот известинская страница эта под названием «Проталина», оповестила читающую публику, что письмо Рубцова хранится у них, а было оно якобы «обнаружено Гришиным в мусорной корзине Тюменской писательской организации». (Газета тиснула и копию письма Рубцова — ответ на наше предложение).

Ну, конечно! А куда же ещё должны были бросить письмо поэта — «черношотенца и шовиниста»?! В корзину! В мусор! А затем два десятилетия после убийства Рубцова, сумел этот «мусор» пролежать в корзине, ожидая «поисковика» Гришина!»

«...Внимая настойчивым просьбам Серёжи Лагерева — получить (за определённую денежную компенсацию) для «Рубцовского центра» «хотя бы копию письма поэта», я, скрепя сердце, обратился в недружественную мне известинскую страницу со своим письмом, но получил печатный широковещательный и издевательский ответ под заголовком — «Письмо не по адресу». На то и следовало бы заранее рассчитывать. Да, не везде соломки подстелешь!»

«...Русского поэта продолжали убивать. Вначале это сделала здоровенная, мерзкая баба в Вологде, задушив его своими руками. В Тюмени через много лет топтала другая баба — из наследственной гришинской «проталины», топтала, хлюпая сапогами, разбухшими от вытеснявших перестроечных нечистот.

В высокомерном «ответе» баба похвалялась, что только «они», мол, истинные оценщики творчества писате-

лей, потому что хранят письма Окуджавы, Стругацких...»

Мне понятно негодование Николая Денисова! Ведь для корреспондентов этой «Проталины», да и других, творчество Рубцова было немодным. Для них кумиром был Окуджава и другие, близки ему по духу. Об этом Денисову говорили напрямую. А ложь о том, что будто бы письмо поэта было найдено в «мусорной корзине», была озвучено специально для того, чтобы унижить в лице Николая Рубцова и всех поэтов, представителей, так называемой, русской «тихой лирики». В реальности же это письмо было найдено в конце 90-х годов при разборе архива Писательской организации, которая переезжала в другое помещение. И опубликовано в 2004 году. А потом исчезло. Об этом мне рассказала одна тюменская журналистка.

Вернусь к найденному ответу Николая Рубцова. Да, я хотел бы иметь у себя этот документ. Звонил и писал в Тюмень. Но, всё напрасно. Мне только неопределённо сказали, что будто бы этот документ хранится сейчас у кого-то в Екатеринбурге. Я потом нашёл в подшивке тот номер «Тюменских известий», где был «тиснут», как писал Денисов, материал об этом письме. Снял с него копию. Но я всё равно надеюсь, что оригинал этого документа всё же найду. Если, конечно, он ещё «жив».

Вот видите, какие страсти разгорались вокруг Николая Рубцова, а я то, наивный, думал, что поэта знали и любили в Тюмени. Конечно, в то время не один только Денисов понимал, что Николай Рубцов — это явление в русской лирике, были и другие, но на защиту поэта, тогда в Тюмени, встал только он один. Благодарю его за это!

Для справки:

В тексте этой заметки есть разночтения в датах. К. Лагунов приглашал Николая Рубцова на декабрь 1969 года, а в материале Николая Денисова написано, что поэта приглашали на лето 1970 года. Денисов объяснил мне, что он не видел того, что написал и отправил Лагунов. Денисов думал, что Рубцов будет приглашён на **первые Всесоюзные Дни советской литературы в Тюменской области**, которые должны были состояться летом 70-го года. Но Лагунов, оказывается, пригласил Николая Рубцова на **Неделю поэзии**, которая планировалась на декабрь 1969 года.

Согласитесь, перечисление крупнейших литературных форумов, проходивших в Тюмени всего за полгода, говорит о том, какой интересной и кипучей духовной жизнью жила тогда наша страна! Несравнимой с нынешним временем!

Сергей Лагереv

Руководитель «Рубцовского центра» Сургута

Короткая проза

Юрий МАКСИМОВ

ВДОВИЦА (рассказ)

Жиличка новая, объявившаяся на одном с ним этаже с месяц назад, собою приметна. Степан Лукич хватко её засёк. Годов под шестьдесят ей, прикинул, но видом ещё вполне приятна и статность в фигуре имеется. К тому же приветлива, первая с ним здороваться стала, а когда в лифте вместе оказались, парой слов незатейливых обмолвилась. Общие словцы те были сказаны, но с учтивостью и взглядом хорошим, от которых у него потеплело на душе. Так их завязка и состоялась. Именем, правда, редким удивила Володара Ионовна, но тут уж ничего не попишешь, коли так названа. Однокомнатная её квартирка располагалась в противоположном от него конце коридора, возле мусоропровода. А вот с ближней соседкой ей точно не повезло. Стервозная баба Зоя, уборщица их кооператива, дня не может прожить без ругани и скандала. Вечно она со всеми спорит, правоту свою доказывая, норовя по запарке кулаком жилистым перед носом махать. Кому такое понравится? Все в доме знали про её трудную жизнь, что мужа — инвалида рано схоронила, а после, в коммуналке ютясь, вкалывала на трёх работах, сына одна поднимая. Только тот непутёвым вырос, пьяницей и лодырем, до сих пор с матки последние копейки сосёт. Она же, во всём себе отказывая, ходит круглый год в залапанной кашавейке, убирая лестничные марши и этажи, зимой трудясь

и за дворника. Здесь её ни в чём не упрекнёшь, потому и терпят, прощая сварливый нрав.

Собираясь в это утро в магазин и закрывая за собой дверь, Лукич поморщился от громкой ругани, доносившейся со стороны мусоропроводной площадки. Сразу понял, опять баба Зоя дала волю своему языку, больше никто у них так не бранится. На этот раз в её голосе звучала какая-то пустопорожняя надрывность, идущая от привычки лаяться даже по ничтожным пустякам, распалая уборщицу до озлобления.

— Кого она так чехвостит? — направился Степан Лукич к месту скандала. Так и есть, очередной жертвой оказалась Володара, представшая перед ним с самым расстроенным видом в домашнем халате, с пустым ведром в руке. Оказалось, она всего лишь забыла захлопнуть крышку мусоропровода, за что и выслушивала в свой адрес бранные упрёки.

— Будя, будя, — встал между ними Лукич, потихоньку оттесняя пришибленную соседку к открытой двери её квартиры, пока она не оказалась в спасительной безопасности собственной прихожей. Убедившись, что нерадивая жиличка посрамлена и отступила, уборщица умерила свой пыл и пробурчав что-то напоследок, убралась к себе.

— Не берите в голову, — стал успокаивать он расстроенную Волода-

ру. Баба Зоя как та дворовая Жучка, что норовит обляять всякого, кто ей попадётся. Такой у ней подлючий характер ...

— Ой, — в сердцах отмахнулась Володара Ионовна, — кабы знала, что она такая, за дверь бы не сунулась. Хотела вот за хлебом сходить, да повременю. Надо отойти маленько ...

— А я аккурат в лабаз собрался, — подхватил тему Лукич, — скажите, что надо, мигом занесу.

— Ну, если не затруднит, полкирипичика хлеба мне, маслица сливочного пачку и вязку баранок. Страсть как люблю чаёк с ними гонять, — засуетилась соседка пытаясь отсчитать ему деньги.

— Опосля рассчитаемся, — не стал их брать Степан Лукич. На улице хлад осенний, может чего ещё от простуды? — сделал он вполне прозрачный намёк.

— На ваше усмотрение, — улыбнулась Ионовна. — Одна я не употребляю, но компанию поддерживаю.

— Понял, — озорно отвечивал Лукич. Тады я потопал ...

Возле входа в «пятьёрчку» толстопузый ларёчник Гасан распродал последние арбузы. Кавказец знаменит на всю округу. Это из-за того, что когда ощерится в улыбке, боковые резцы у него глядятся хищными клыками, делая крупную зубастую пасть похожей на оскал саблезубого тигра. Его так и прозвали — «саблезубый». Пользуясь этим любит иногда, под вечерок, напугать зазевавшуюся рядом молодую деваху, да так, что та задаст от него с визгом, шустрога стрекача. Но вообще-то Гасан мужик не плохой, к новому месту попритёрся. Знает, кому надо сколь-

ко заплатить, а с кем можно обойтись простым разговором.

— Возьми, Лукич, — гортанно подманил он к себе дедка. Хороший арбуз, задёшево отдам...

— Да ну, — дёрнул тот ляжкой. Ну-жон он мне, как лысому гребень. С его токо ссанье, хуже чем с пива. Я прямым ходом за продуктом.

Народу в магазине было не много, только на кассе несколько пенсионеров задержали чуток, дотошно проверяя пробитые чеки. Стоявшая рядом высокая и плоская, как гладильная доска, администратор зала Циля Мееровна, завидев Лукича кивнула ему. Он частенько попадал в её смену. Непритязательный этот дедок выделялся от остальных покупателей своим деревенским говорком и простоватыми манерами, что отнюдь не раздражало её. Наоборот, некоторые его выражения Циля Мееровна находила очень даже занятными. В таких случаях она вытягивала шею, близоруко шуря глаза, отчего они становились похожими на узкие щёлки, как у аппарата принимающего копеечную мелочь.

Исполнив заказ Володары Ионовны он взял ещё бутылку «Перцовки», две банки пива и сманившую его аппетитным видом селёдочку в горчичном соусе. Позарился было на бананы, но рассудив, что обезьянья закусь тут не сподручна, отложил их в сторону.

— Вот и я с продуктом, — молвил с порога, воротившийся Степан Лукич. Как заказывали, так и получайте, — передал он свою сумку Володары Ионовне.

— Раздевайтесь, да к столу, — гостеприимно пригласила та услужливого соседа. Вмestях и откушаем. Я

привыкла потчеваться на кухне, по-деревенски. Сколь должна-то?

— Конечно дело. Вдругорядь вы мне чего-нибудь занесёте, враз и сочтёмся. Соседствовать надо по доброму, — всё ещё сохраняя дистанцию в разговоре чинно присел Лукич на заскрипевший табурет, глядя как ловко накладывает ему Ионовна на тарелку горячую картошечку, украсив её поджаристой котлеткой. Здесь же следом появились вынутые из холодильника грибочки солёные с огурчиками и добрая головка чеснока. Последнее могло свидетельствовать о том, что отведав его, они уже не будут чураться друг друга в близком разговоре.

— Позвольте-ка мою сумочку, — вынул оттуда Лукич бутылку «Перцовки», нашарив заодно и баночку селёдки, выставляя их на стол. — Для укрепления знакомства, — добавил он многозначительно. И по медицине полезно.

— Не возражаю, — хохотнула хозяйка.

— Рюмашки у вас с налёстом, — неодобрительно скосил глаз гость, когда Володара Ионовна достала их из навесного шкафчика. Такие токо для ликёру годятся.

— А вы, значит, любите стаканами употреблять? — поддела его хозяйка.

— Не то, чтобы так, но водку привычнее брать мерно, по «сотке». Иначе градус не прочувствуешь.

— Спорить не буду, — согласилась Ионовна. Такие тоже имеются, — тут же заменив забракованные гостем миниатюрные рюмашки на простоватые гранёные стоики.

— Эти куда солиднее станут, — одобрил замену Лукич, наполняя их доверху «перцовкой». Как говорит-

ся за наше общее здоровье и благоденствие! — и они церемонно чокнулись.

— Закусывайте, закусывайте, не стесняйтесь, Степан Лукич. Вот и чесночек на вас глядит. Я до его большая любительница, — протянула хозяйка гостю очищенный зубчик. Истинно от всякой хвори помогает, особенно от насморка и простуды.

— Поведаю и я, по секрету, верное средство от такой напасти, — перешёл на таинственный шепоток Лукич. Взять надо слоновый помет и, положив его на уголёк, подышать этим дымком. Хворь как рукой снимет.

— Да где же слона возьмёшь? — простодушно воскликнула Ионовна.

— В Африку, в Африку мотануть надо ть, — взвизгнул от своей придумки Лукич, после чего гость и хозяйка громко рассмеялись. — А скажи-ка мне, голубица, — перешёл он уже после своей шутки на «ты», простовато залыбившись, — откудава сама будешь? По всем ухваткам сельского помола. Али ошибаюсь?

— С Тверской губернии я, — подтвердила хозяйка. Деревенька, в которой прожила почитай всю жизнь

в ста верстах от бывшего Калинина. Там же и замуж вышла, дочку с сыном родила, а опосля смерти муженька суды вот переехала. Квартера эта мне от тётки по ейному завещанию досталась. Сама она последние два года с больницы не вылазила, ну и отписала жильё на меня, по родственному. Сынок, Захар Петрович, ноне-че на Дальнем Востоке служит. Он у меня военный, погон майорский носит. А с дочкой, Людкой, отношения не заладились. Да и зятёк, сказать по честному, говнист, недаром Арнольдом зовут. Прибился в нашу деревню

по случаю, вот в его Людка и вторилась. Трутень, для сельской жизни не гожа. Любит токо красоваться, да хвалиться. Как колхоз развалился, фермерствовать надумал, но и тута сноровка и умение нужны, а он в рассуждениях высоких блуждает. Короче, покрутился и остался на «бобах». Шас хозяйство домашнее на дочкиных плечах, а он газетки с умным видом почитывают и гармошкой себя тешит. Да ещё поддеть меня любил. Сядем бывало обедать, так он мне чуть ли не в рот смотрит: «Чего это вы, маманя, на курятину налегаете? Мясо вредно в вашем возрасте.» Каков, паршивец? Повкалывал бы как я.

— Знамо дело, — закивал головой Лукич. На базаре не поешь от нищих, дома от своих. Чего же дочка его не вытурит?

— Куды ей с двумя-то детьми деваются? Так хоть присмотрит за ими. Опять же, не пьёт, что нонече диво. Хотя по мне лучше бы пил, да дело разумел. Я на его наседала, наседала, а толку — ноль. Дочка, дурёха, встряла ещё: «Вы мне, маманя, семейную жизнь порушить хотите». Плюнула я на их и подалась в город. Слава Богу квартира эта выручила. Ничего, пенсион у меня три годка как заработан, проживу.

— Ага, — прикинул про себя Лукич. Выходит на шестнадцать годов я постарше вдовицы. Не так уж и много, — и от подбодрившей его разницы налил себе и Ионовне по второй. — Значится деревенских в наших рядах прибыло, — снова чокнулся дедок с хозяйкой, залпом осушив свою стопку. А ну-ка попробуем мою селёдочку на заедку, — тыкнул он в неё вилкой, по стариков-

ски разжёвывая. Сочна! Стало заметно, что заведя разговор он повеселел лицом. — Теперича я скажу, уважаемая. В городе жизнь совсем другая, чем на селе. Хамьё кругом. Вежливы токо те, кто хочет чего-нибудь продать или получить. А так, ни-ни. Обматерят, а ты не вздумай оскорбиться. Совестьливых людишек здесь днём с огнём не сыщешь, иначе жили бы мы в согласии. Того и гляди, чтобы не облопошили. И главное дело, никому не доверяй. Душу распахнёшь, а в её, извиняй, сразу насерут. Примеров достойных нету. Включишь от скуки телик, там одни менты с бандитами красуются. По ихним понятиям, грабь, да насильничай. Об честности не слыхать.

— И куды токо власть глядит? — погрустнела Ионовна.

— Так она сама нынче бандитская.

— Я уж поняла нынешние ухватки, — согласно закивала Ионовна. Намедни вызывала сантехника, чтоб прокладки в кранах поменять, потому когда завернёшь, всё одно, вода капает. Пришёл ражий детина, обсмотрел сперва моё жильё и загудел, ровно шмель над ухом. Мол прокладок шас таких не выпускают, но ежли надо, доплачивай. И за установку ещё. Повздыхала я, а куды деться? На сто с лишним рублёв разорилась. Но замечу, Лукич, что и на селе народ стал портиться. Жадность и беспутство его одолели. У нас, в прошлом годе, на крапивное заговенье, — уточнила Ионовна, — у соседки, Капитолины, шашбашная бригада сруб под баню ставила. Пол работы сделали, потом вожжа им под хвост, оплату потребовали. Заплатила она, бригадные тут же в сельмаге водкой отоварились и пьян-

ку устроили. Да с разборками, кому сколь перепало! Мужик ейный в другое село отлучился, так молодые кобели чуть дочку Панкину не снасиловали и дом едва не спалили. Не унять бузотёров! Четверо лбов здоровенных ещё водки требуют. Побёгла Капа до старой нашей ворожеи, бабки Феоны. Выручай, кричит! Та дала ей бутылку своей самогонки, токо предупредила, чтоб сама наливала мужикам и не боле, чем по полстакана. Лаканули они бабкиного зелья и повырубались. Сутки вповалку пролежали без шевеления, что дрова. Капа напугалась, не траву ли Феона ей дала, засудят ведь. Ничего, встали опосля, zenки водичей ополоснули и за работу, быдто и не фулиганили. Вона как получается... Эх, горе-горюшко наше, коли мужик с пьянки бесовствует, — тяжко заключила Володара Ионовна. Поглядеть на сельскую бабу, всё на ей держится, и семья и хозяйство и прибиток. Вот я, не соврать, пахала всю жизнь, что конь, сама, можно сказать, омужичилась, а вашему брату загул с пьянкой завсегда милее...

— Бывает, — поджал губы Степан Лукич, — хотя мужик мужику розня. Тут не след всех под один гребень чесать. Бабы тоже, не каждая мёдок. Последняя фраза Ионовны слегка прищемила его, поскольку уловил в ней некий намёк в собственную сторону. — Вот, скажем у мово дружка, из местных, вполне самостоятельно замечу, жёнка тоже с деревни взятая, но соблазнов городских нагладевшись, скурвилась. Он же, горбатится, себя не жалея, много разов прощая ей встречи с кавалерами. Те тащут её по ресторациям, а после она «передком» с ими рассчитывается...

— Может это знакомства полезные или встречи какие, вступилась было Володара Ионовна за селянку. Где она работает-то?

— Бухгалтерша вроде, — сморщил лицо Лукич.

— И детки есть?

— Ребёнок токо в школу пошёл. Шустрый мальчишечка, любит козликом возле мамки прыгать. Да не заступайтесь вы за её. Я прямо скажу: «коли баба замужняя попробовала чужого мужика и ей энто пондравилось, такую уже не остановить. Порченная она считай...»

— А может муж здоровьем слаб? Такое случается, — не отступалась Ионовна. А ей темпераменту нехватат. По годам они вровень будут?

— При чём тут года? — сердито засопел Лукич, подумав про себя, что не в него ли часом метит. Поговорка есть — «старый конь борозды не портит».

К тому же дом у их — полная чаша. Сбаловалась от достатку.

— Видать мастеровит муженёк?

— Редкий умелец. Мастер по росписи гробов.

— Да ну?! — ошарашенно округлила глаза вдовица наклонившись к соседу, словно он сам такого же ремесла.

Довольный произведённым эффектом дедок продолжил, смакуя каждое слово. — И лак и краски у его первостатейные. Надо, так золотыми вензелями гроб распишет или цветами райскими. А каждый такой цветочек не меньше чем по пяти тыщ клиентам обходится. Вот и прикиньте, почём такой расписной гробик выйдет. Можно и за меньшие деньги, конечно, но тогда евоные подмастерья малюют. Ему самому двести тыщ за месяц отдай и не греша. А захотит, так и больше может.

— Ух, ты, — замороженно слушала Володара Ионовна дедка, крутя головой.

— Одно токо подметил, — ловко раздлил остатки «перпювки» Лукич, многозначительно вскинув седые брови. Мертвечиной от его несёт. И ни какими дикалонами запах тот не истребить, сам мне сказывал.

— Вона что, — шумно выдохнула вдовица. Как с таким в постель залягешь? Теперича ясно, отчего жёнкая евоная гулят. Я б с таким ни за какие тыщи не согласилась. Упаси Бог ...

— А видом солиден, — продолжил Лукич. Оденется, не подойдётся. Костюмец тройка, перстень золотой с камнем. В нагрудном кармане часы старинные с репетицией. Капиталист ... Признался мне однажды, вот также, застольно, что полюбовницу имеет, поскольку с жёнкой разлад.

— Ну-ну, — замерла в нетерпении Ионовна.

— Баба та, в морге работает. Значится и от её мертвечиной прёт. Вот они и спюхавши, — сделал страшную гримасу дедок.

— Господи Иисуси, — всплеснула руками Володара. Погубили себя считай оба. А всё денги проклятые ...

— Мда, — такой вот колескор. Поэтому останемся обычными людьми, — приятственно погладил гость соседку по гладкому плечу, как гладят кошку, чтобы она замурлыкала.

— Ох, Степан Лукич, — разомлела та от его росказней. С вами не соскучишься. Заговорите кого угодно. Опасный вы человек.

— Полноте, ужасасмая соседушка. Я ить токо чтоб мы подружились. В одиночку доживать огорчительно. Ладно, — поднялся он из за стола, — пора и честь знать...

— Я ведь чайком вас ещё не угостила, — укорила себя Ионовна. Баранки-то дожидаются ...

— Зайду, беспременно зайду в следуюший раз, — стал прощаться Степан Лукич. А вас к себе жду.

— Скажите, токо по правде, — уже прикрывая за ним дверь, лукаво сощурилась вдовица, — про гробовщица сочинили небось?

— Поверили, значится правда, — хмыкнул дедок.

— Так я и в слоновый помёт поверила ...

— Об чём тогда говорить, — улыбнулся в моржовые усы Степан Лукич.

СПб. Январь 2011 г.

Александр ДУБИНИН

ЗВЕЗДНЫЕ МЫСЛИ

Если всё ехать с горки, с горки-то заедешь в ад.

Сего дня абсурдистика: видимость жизни, консервация всего и вся. Жирует Власть. Чиновники. Остальные едва живы. Вихорь жизни гоняет вчерашний мусор. Толпятся по меропри-

ятиям. Сонный мент на входе. Долго ли до греха!

Господа интеллигенты взялись Отчеству послужить. А заячий тулупчик у вас имеется? Для народа, для кого же ещё!

Поэт с выслугой лет.

Если гламур — не идеология богатых и для богатых, то ещё хуже: это их религия.

Здравый смысл уместен и даже объяснителен одному человеку, желателен группе людей, но никак не обществу и совершенно противопоказан государственной машине. Даже ссылка на него уполномоченных государством лиц — подозрительна. Закон плох, но он один на всех, и этим всё сказано.

Веллер от кого или от чего ума ждёт? Руль ворочает водитель или дорога?

Можно ведь и не париться: кирпич на газ и так далее, как в анекдоте, чем у нас Власть и занята.

Журналистка, которая допрашивала Эдварда Радзинского (Ольга Кучкина).

Смерть Пушкина устроила всех.

Думать не велено.

Если бог помог однажды, то будет помогать всегда?

Назвать их свиньями, так только свиней обидеть.

Системное воровство: когда всё вроде бы по Закону.

Где талант, там и правда.

Главный литературовед России — Лёва Задов: «У нас балакают!»

Тридцать серебряников — мелкими деньгами.

Героизм не совместим с творчеством.

Концептуальные построения современных художников есть суть Потёмкинские деревни модернизма.

Чем больше чиновников, тем им легче воровать и мздоимствовать.

Материалисты те же идеалисты, но с другим знаком. «Хочу иметь всё сразу!» Это-то кто?

Христа растерзала вечность.

Человек Христу соучастник в деле пересмотра вечности. А любовь?

А любовь — после победы.

Гоголя нынешним духовным кастратам хочется запретить. Розанову ещё в прошлом веке хотелось.

Толпы без человека не бывает.

Парфразируя Бердяева: «Декаденс — последнее убежище человека».

С опорой на шлюх... Ромео и Джульетта, Тристан и Изольда, даже Паоло и Франческа — отдыхают сегодня.

Не нужна им система ПРО, — им нужен враг.

Не День Победы, а номенклатурный шабаш. Ветеранов, как пленных немцев по Москве гоняют.

Имея дело с Властью, имеешь дело с Системой. Соблюдай т/б!

Обыкновенный социализм.

Искусство принадлежит начальству.

Путин со своей нефтью даже ворон накормил.

Какое государство — такая и церковь, и наоборот.

Нынешняя чиновничья олигархия это лебединая песня социализма.

Отвратительное дело — свобода.

Поэту держаться библиотеки это любительство, а при кабаке это вот профессионализм.

Искусство если и принадлежит, то человечеству.

Гламур — искусство Скотного двора.
Он хочет. Только в большую советскую очередь.

Гламур изобрели политехнологи.

Муж — имя прилагательное.

Возвращённый поэт, как пчела без жала.

Совершается полная и безоговорочная дебилизация народонаселения.

Я любить начал раньше, чем уважать.

Нашила тросов из алых парусов. Тома.

Победители, которые наконец-то победили свой народ.

Средний класс. Ни рыба, ни мясо. В общем то, что есть нельзя.

Фатальность: можно определить, как предсказуемость.

ВВП — овцы со всем миром на кулачках.

Сегодня вопрос не в том, как мы живём, а в том, чем мы занимаемся.

«Утверждать» Европу надо было с отмены рабства. Рабство — наша традиция.

Даёшь социально-ориентированную инфляцию! Хочется крикнуть: «Ура!» при этом.

Замминистра — подозрительная личность. Именно — личность, а не должность. Потому как — замминистра, а не министр. В наше время лучше быть первым в деревне, ну а в Риме само собой...

Самоуправление, а не самоуправство чиновников. Тогда: суды линча тоже самоуправление.

Бердяев это космологическая система, а не монастырский Устав.

Блок, Бунин, Бердяев — три главных поэта эпохи.

Разрушение СССР произошло, а разрушения Системы чиновников — нет.

Огрела своим: «Спасибо!»

Уникальный расклад, даже для России, демократия без демократов.

Совесть — синоним свободы.

В присутствии дураков — неуютно. Если бы. Просто — ярость. А спуская, — скорбь.

Правда о России путинской — впереди. Географию пусть знают ямщики. А ямщики кто? Не положено знать. А кому положено? А-а-а...

Ложь — единственная правда на свете.

Ельцин: плутократия под видом демократии, потом чиновничья олигархия с элементами государственности. А дальше-то что?

Вот я буду — каким хочу быть, а люди вокруг пусть будут хорошими... Вчера: купцы не обманывали и разбойники были благородными.

Отсутствие свободы, как отсутствие речи.

Строили дом — так и живём в нём.

Уберите нефть, — будем говорить о демократии.

Если не считать себя гением, лучше совсем не браться за такое дело, как поэзия.

Мыслить чувствами.

Живём при капитализме, а беды у нас всё советские.

Патриотизм: синоним лжи — одних, воровства других и бессилия — третьих.

ИЗ СОКРОВЕННОЙ ГЛУБИНЫ

Повести и рассказы Александра Кирова

Новая книга Александра Кирова «Последний из миннезингеров»* настолько необычна и полнокровна в своей словесной силе, что заставляет задуматься о вечных вопросах народного бытия, вроде бы напрочь забытых в новейшем времени.

Что такое русский характер сегодня? — Литературный фантом? Мираж? А может, мифологический ископаемый символ? Жив ли вообще русский человек как народная личность, или он изжил себя, выдохся, исчез в бестолковом, но жестоком и гибельном потоке дикого российского капитализма?..

На эти вопросы и пытается ответить молодой писатель из древнего северного города Каргополя, литератор, живущий в провинции, но совершенно чистый от малейшего подозрения в грехе провинциализма.

Дело в том, что его повести и рассказы и по языку, и по манере изложения, и в самом дыхании прозы родственны классическим ее страницам, в которых присутствует высокий дух познания и преображения русского человека независимо от места его бытования.

Да, сегодня у русского Ивана «глазки с хитринкой», но светят-то, светят они так же, как и прежде, — «чистым изумрудом»! И душа, — как ни мяли ее в ежовых рукавицах новой смуты, — так и стоит нараспашку всем семи ветрам!..

Герои книги радуются как дети, а потом предаются черной меланхолии, любят до гроба (в прямом смысле), женятся, разводятся, сходятся и расстаются случайно, как издавна было заведено; интуитивно чувствуют зыбкость жизни и всегда готовы к худшему.

«В детстве он боялся, что у него умрет мама. А еще — что умрет он сам. Когда стал подростком, боялся, что умрет отец. В тревожном юношестве боялся, что ему изменит любимая девушка. Когда стал зрелым мужчиной, боялся, что от него уйдет жена, а еще — что он потеряет работу и останется в нищете. В пожилом возрасте он испугался старости. К старости он ужаснулся одиночеству и снова, как в детстве, начал бояться смерти».

Может быть, от этого страха — и развращения у нашего народа своеобразные и неповторимые (каждый развлекается по-своему).

«Мой знакомец остановился на краю мутноватой лужи в выбоине бетонных плит и в глубокой задумчивости уставился на желто-зеленый плевок под ногами.

— Сказать, мля, нечего? — поинтересовался курящий.

— Вот... Из-за этого-то все и происходит, — грустно пробормотал камуфляжный мужичок, удрученно качая головой.

— Че сказал? — хором рывкнули двое без сигарет.

— Я говорю: из-за таких, как вы, русских и называют свиньями! — громко и внятно произнес камуфляжный.

* Киров А. Последний из миннезингеров: Повести и рассказы. — М.: Время, 2011. (Серия «Самое время»).

Возникла неловкая, но короткая пауза.

Мордovorot, стоящий по центру, выплюнул сигарету, которая, задев куртку возмутителя спокойствия, упала в лужу и зашипела, а потом так же легко опрокинул в лужу и самого возмутителя почти незримым ударом кулака...

— Извини, братуха, — весело и заговорщицки шепелявил бородастый, пока мы скорым шагом выходили из злополучного закутка к рюмочной. — Не могу без встряски. Семья, дети, работа — но пару раз в год надо. Просто НАДО!»

Иногда на русского человека нападает странное и немыслимое одиночество, если не знать нашей истории.

« — Да, это одиночество, которое не тяготит. В нем нет эгоизма радости, которую мы испытали бы от встречи с ним. Сиюминутной радости перед бесконечной тоской общего страдания. Радости отца, встретившего сына, которого не видел десять лет, перед пылающей тонкой крематория».

До поры, до времени таятся под спудом недюжинные народные силы и способности, но и сегодня они могут найти себе применение — в решительный и смертный час.

«Димка Лебедь умер как герой. Он вытолкнул из-под колес автобуса своего ребенка и был убит страшным ударом железного механизма прямо в грудную клетку».

Впрочем, пафоса у нас не любят.

« — Не знаю, не знаю, — качает головой мой сегодняшний собеседник. — Я слышал совсем другую интерпретацию этой истории. Лебедь был просто пьян. Очень пьян, как обычно. А его смерть раздули и, как это называется...

— Мифологизировали, — подсказал я.

— Во-во! — поднял мой собеседник указательный палец вверх».

Как бы то ни было, в русской действительности есть все; она живая, в ней кипят такие страсти-мордасти, что становится не по себе. Вот, например, этапы прямо-таки шекспировской трагедии: смерть первой жены, гибель второй семьи и, наконец, третий и последний шаг к пропасти...

«Любовь — это смерть. Понимаете? А смерть — это не старуха с косой, а деваха с косой, которая является раз в пять лет, тебя... очаровывает, душу из тебя выматывает, а потом умирает. А ты живи один и подыхай заживо! Не стал в этот раз ждать, когда сам растаю, а она меня и шмякнет. Лучше уж, думаю, я её... Выпил для храбрости... Да соседи чего-то уже учуяли, видать...

Но это вы уже знаете, гражданин следователь».

И еще раз про любовь...

«Витка, здравствуй!

Ты чего такой хмурый прошел? Муж обронил, что ты со своей поругался? Плюнь. Пройдет. Так ли еще у нас бывает. Просто помни, что я люблю тебя и буду любить вечно».

Ну конечно, вечно! По-иному на Руси, замешанной на неистребимом подростковом максимализме, и не бывает. Только «вечная» эта любовь заканчивается чаще всего так:

«В семье деревянных дел мастеров грянул тяжелый скандал: Витаха застрелился. В семье Сашки не прижилась простая хорошая женщина: не уберег. В семье бывает всякое: такая жизнь...»

«Се ля ви», — как говорят у нас на селе. Такая она, судьба... «Женская судьба как русская песня».

Шекспир, между прочим, появлялся в этой жизни как старый добрый знакомый:

«Вон у меня дед заорал на отчима не быть тому, и топором... И у Шикспирова там мужик так орет. А если б его дед не умудохал дак его бы мамка отравила бы. Заместо спирту ацитону бы подсунула. Она уж раз пыталась. А снова бы не получилась, он бы ей придушил и девку бы. И все золотой мужик у простых людей выглядел. Все как у нас».

Убийство? Тюрьма? — Нет проблем! Дело привычное, обычное, точнее, все это происходит так, между делом.

«Или про тюрьму. У меня дед вон отчима затюкал и я это видел. Ничего такого страшного. Сеструха испугалась а я молодцом. И дед тоже. Хрюпнул и пошел рюкзак собирать. И вернулся через пять лет как из магазина пришел только охромел и руки дрожат. Могучий был человечеще. Это щас с дивана в гроб шагнуть не может. А он и раньше сидел».

Отношение к смерти у героев книги такое же, она — явление обыденное, само собой разумеющееся.

«Первым ушел Шабала. Повесился после непрекращающегося запоя. Почти одновременно с ним и так же покинул землю Вадик. И в том же году убили Мустафу. Последним умер Бес. Сердце разорвалось — то ли от врожденной болезни, то ли от приобретенного опыта жизни».

Страх смерти, конечно, есть в душе у каждого, но отношение к концу — совсем иное, семейное какое-то, домашнее, даже равнодушное:

« — Да ты не расстраивайся, бабушка, я и тебя закопаю в лучшем виде, — добродушно бурчит Гена, по-своему поняв Аннушкину ворчливость, плавно перешедшую в задумчивость».

Что удивляет порой — так это не свойственное нам циничное отношение к смерти:

« — Ты циник, — бросил я как-то в сердцах при встрече с ним.

Он пожал плечами.

— А у нас не циники помирают быстро. Почитай, на том свете работаем».

Иногда кажется, что Россия — это одно огромное отделение реанимации. Выживаемость в нем, как мы знаем, невелика...

Есть в книге и авторский взгляд на старуху с косой — мистический ретро-активный взгляд изнутри.

«Я вспомнил о Петьке сегодня, в день нашей с женой свадьбы. Свадьбы, которую мы перестали отмечать, после того как развелись. О Петьке, который так и не родился, и даже не был зачат, и поэтому остался живой, несмотря на все глупости взрослых».

Как тут не опереться на народную мудрость, — то ли пророческую в своем прозрении, то ли проповедническую — для слабых, то ли исповедническую — для всех:

«Не горюй, Сашка, — напоследок сказала она слабеющим голосом. — Человек-от рождается на свет хорошим. Да-а... Потомка делается плохим... И движется в сторону лучшего до самой смерти».

Жизнь наша так страшна, что без юмора в ней не обойтись, только юмор этот ни на что не похож, даже на незабвенную классику... Например, пьянство — тема вечная, но всегда больная. У Кирова мы наблюдаем не просто констатацию факта, а целую поэму мучений.

«Когда пьет Кузя, понятно. Наследственность. Батя-покойничек по синьке фрицев искал (в войну родился), брат бухает, жена брата бухает, дочь жены брата от первого брака бухает. Школа,

фантастическая литература, увлечение английским, пиво, дискотеки, девочки. Рижское военно-авиационное. Отчисление после первого курса. Армия. Пилорама. Мягкий характер. Свободная хата — дом родителей. Известность и популярность среди местной молодёжи. Застолья с друзьями — лидерами по натуре: — «Кузя, изобрази!» — «Боже, царя храни!..» Первый запой. Забрали в милицию. Второй запой. Выгнали с работы. Третий запой. Первая кодировка. Лимонад. «До дня рождения А.С. Пушкина осталось 364 дня». Первый запой после первой кодировки. Второй запой после первой кодировки. Вторая кодировка. Помер отец. Первый запой после второй кодировки. Второй запой после второй кодировки. Умерла жена брата. Временное просветление. Первый запой после временного просветления после двух запоев после второй кодировки. Вещи продаёт. Бредит одноклассником, который на зоне авторитет. Визгливый бабий во хмелю или загробный суицидальный с похмелья голос. Нет динамики роста и нет динамики ухудшения. Мать-литератор с иссохшим лицом. Друзья не здороваются и десяток больше не дают...

Когда пьёт Кузя, понятно.

Почему я пью? Да хрен его знает.

К слову, в Ростове-на-Дону есть магазин с характерным названием «1000 и 1 бутылка» (и это не выдумка!)...

Что же делать? Как спасти нацию? — Новыми народническими потугами? Практическими шагами вспять от теории «малых дел»? Всё это пустое... Вот они, взаимоотношения народа и интеллигенции:

«Иорданов спросил у Дмитрича, будет ли тот похмеляться, на что Дмитрич возразил, что не употреблял вче-

ра и не употребляет уже больше месяца. Кочегар Иорданов, хлопнув Дмитрича по плечу, посмотрел на литератора так, как смотрят на человека, у которого только что умер очень близкий родственник, а то и вовсе на покойника, и тяжелой поступью двинул дальше — к живым».

К этому сюжету можно присовокупить и «миллион терзаний» школьного учителя:

«Однако Дмитрич предпочел, рассказав о Вознесенском, спеть “Сагу”, чем вызвал бурю аплодисментов.

— Я не введу, — призналась Рита. — Че-нить проще, плиз.

И тогда Дмитрич спел “Плачет девочка в автомате”...

...Поначалу Дмитрич потирал руки, думая, что педагогический прием сработал, но движения его становились все менее энергичными, все более вялыми, и руки в конце концов остановились, так что со стороны могло создаться впечатление, будто Дмитрич собрался молиться.

— Короче, это стих про девушку...

— Короче, она его любила...

— Ага, ваще любила, короче...

— И переспала с ним, короче...

— Короче, да, а сама была, типо, девочкой...

— Ага, короче, он у нее был первым...

— Ну, первый мужик, короче, понятно, не будем подробнее, на уроке все же...

— Короче, и так, типо, понятно, кто был, тот знает, короче...

— И, короче, они переспали... Во-от.

— Ага, а она ему потом звонит. — Это сказала Маха, сделав ударение на первом слоге.

— Звнит, блин, а он, козел, типо, я ты не знаю, и ваще отвали, плиз...

— Козел, короче...

— Все мужжики такие...

— Козлы, короче, переспят и бросят...

— Потом, короче, привыкаешь, а сначала, типо, фигово.

— Первый раз када.

— Ага.

Современная литературная стилистика была, таким образом, исчерпана.

Народное отношение к художественной литературе всегда было личным, вплоть до ревности... Отрывок из сочинения по «Грозе» (Добролюбов нервно курит в сторонке):

«А что утопилась обратно дура. Ну и что что ты запил? Вон Прокопич как запьет закадируется и топится не собирается потому не дурак. А она дура. И прошмандовка. И пьюшка наверно. Была».

Алексею Толстому по пути тоже досталось:

«Кому кому да не ему об русском характере писать. Сам свалил когда жареным запахло и писал в борделе о своих похождениях. Писал бы про Буратиону и баста».

И Горькому:

«За Горького горько. Какой талант! Про город Дьявола желтого мне пондравилось. Это я даже читал. Потому мы на уроке русского упражнение делали из этой книги. В аккурат как у нас в деревне через пару дней после Дня Победы только контейнеров нет. И про божьей интересно. От бичуганы! У одного галяны у другого трясуны мокрушник да Лука этот (небудем утачивать каков). Ято знаю чего они там с Анной шептались. Не бывает у бичуганов жалостливых а такие еще страшнее потому ненормальные. Одна правда мужик с бодуна вздернулся. Обычное дело».

Заодно и Рубцову:

«Рубцова я неочень. Нам Кузьма и кассету включал с тихой этой родиной. А какая она тихая? Вон у нас в деревне. Поставил Фрол пилораму и пилит в три смены. Вся тишина. И топ да топ скоро по пустыне будет».

Как говорится, приехали. А мы, интеллигенты, все думали и думаем, что знаем народ. Зато нашему самолюбию, гонору и самодовольству он цену точно знает...

В старших учителях у Кирова — Шукшин с неизменными и вечными чудиками; Чехов с его лаконичностью, недосказанностью и нелюбовью к авторским комментариям; Платонов со своей метафизической невозмутимостью и народной задумчивостью.

Киров усвоил не только шукшинскую манеру «брать быка за рога» — начинать рассказ сразу, без экспозиции, — но и шукшинское парадоксальное словесное рисование — даже в названиях: «Любовь, смерть и пара бордовых шерстяных носков». Ничего не напоминает? — Как же: «Космос, нервная система и шмат сала».

Рассказ «Ласточка» имеет прямую связь с сюжетом новеллы Шукшина «Беспалый». Ну и, конечно же, восхищает замечательная речь, в основе которой — народный сказ.

Повесть «Троянос Деллас» заставляет вспомнить фантазмагорическую «Историю одного города» Салтыкова-Щедрина и безысходные, ирреальные, сиротские повести и рассказы Платонова, особенно «Чевентур».

«Троянос Деллас» — не антиутопия. Ее главы выглядят жуткими и фантастическими, но реальность страшнее. Оказывается, от демократии до анархии — один шаг, а от анархии до бан-

дитской Кушевки — и того меньше. Если бы это был сон!..

«Среди бела дня у пилорамы остановилась иномарка, из которой вылез Мирза и с ним крупные парни. Рабочих выстроили в шеренгу. Мирза громко назвал четыре фамилии. Мужики дружно сделали шаг вперёд. Мирза спросил у водителя, сколько человек влезет в машину, услышав ответ, ткнул пальцем во второго и четвёртого. «Джип» уехал, и вместе с ним уехала память о двух сгинувших людях. Жена одного из них ходила в город, пыталась что-то там узнать, а когда вернулась, увидела пепелище вместо своего дома. Поплакала и пошла... К Мирзе. Устраиваться на пилораму. Это была первая там женщина-работница».

Такую демократию хотели построить Гайдар с Чубайсом? — Именно такую, больше похожую на СС...

В книге все заканчивается предсказуемо, история ходит по кругу:

«Так умер Вольфрам фон Эшенбах, последний из миннезингеров. А сразу после него пришли мейстерзингеры, жирные, продажные, тщеславные, льстивые и тупые. И быстро нашли себя в новом времени...»

В общем, вся эта пьеса «была прелюдией к одной маленькой прелюбопытной истории, которая на самом деле не имела ни начала, ни конца, существовала вечно и вряд ли когда-нибудь имела место быть». Как говорят в таких случаях: «— Дяденька, мы же не виноватые. Нас по-старому недоуспитали, а по-новому недоуспитали...»

Проза Кирова — «как крик из сердца. Из сокровенной глубины не повзрослевшей и не огрубевшей, не заплывшей жиром, не покрывшейся копотью или просто грязью мужской души». Его повести и новеллы за-

ставляют смеяться, грустить и радоваться одновременно. Добродушный и несчастный наш народ — неведомая величина для многих, но не для Александра Кирова.

— Так кто же виноват во всей этой великой беде? — спросите вы. Хотите узнать ответ на извечный русский вопрос? — Пожалуйста:

«Погоди, бабушка! — прервал очередной анекдот мой посерьезневший сосед, извлекая из кармана рабочей куртки рублей десять мелочью. — На, возьми. Берешь такие? Смотри, не потеряй. А то я подберу».

— Дай Бог добра-здоровья, — поклонилась ему старушка.

— И дай Бог, чтобы те, из-за кого мы дошли до такой жизни, сдохли. Я всегда свечку ставлю за их гибель, пидарасов».

Виктор Бараков
г. Вологда

Виталий БАКУМЕНКО

ДВИЖУЩАЯ СИЛА ИСКУССТВА (К 90-летию художника А.Т. Наговицына)

Одной из самых памятных и значимых персональных выставок Заслуженного художника России Анатолия Терентьевича Наговицына была грандиозная экспозиция его работ в залах Вологодской областной картинной галереи четверть века назад. К этому вернисажу был выпущен великолепно иллюстрированный Каталог. Глубокую научную вступительную статью «Графика А.Т. Наговицына» к Каталогу написал известный искусствовед В.В. Воропанов. Особую изюминку этому Каталогу придало «Обращение к зрителю», написанное художником. Помещённое в самом начале Каталога кредо большого Мастера создало у пришедших на открытие выставки настроение доверительности и понимания душевного движения художника. Помещаем «Обращение» А.Т. Наговицына в самом начале статьи, чтобы и наши читатели поняли душу романтика, путешественника и поэта, человека, умевшего высказать и защитить свои взгляды на жизнь и искусство, в каждом слове проявившего скромность истинно русского интеллигента:

«Я думаю, что Вы, дорогой друг, так же как и я наблюдали восходы и закаты солнца, замирали в восторге от соловьиной песни, а, может быть, так же как и я с рюкзаком за плечами спешили тёплым июньским вечером к поэзии рыбацкого костра. И потому я

Портрет А.Т. Наговицына.
Худ. Дм. Медведев.

думаю, что наши души — родственны! А родство душ — это уже немало, это одна из движущих сил искусства!

Настоящее реалистическое искусство оптимистично, в нём нет места пустоте или одиночеству, оно объединяет людей, даёт им ключ к тому, чтобы жить в мире и согласии.

И потому я знаю, что ни одна из всех моих мыслей, вложенных в предлагаемые произведения, не ускользнёт от Вашего внимательного взгляда.

Я знаю так же, как знаете и Вы, что где есть настоящее мастерство, там нет места глупому случаю и лёгкой удаче. Так же я знаю и знаете Вы, что нельзя принимать экономию выразительных средств за суровость и скудость, а строгую форму — за сухость и аскетизм!

Что касается лично моих произведений, могу сказать одно: в них, наверное, есть и сухость, и суровость,

сюжетные длинноты и чрезмерная увлечённость широтой диапазона графических техник и приёмов. Всё это может быть — точно я не могу сказать. Но я твёрдо уверен в том, что в них нет ни ноты сентиментальности и салонщины, а также ни грамма прилизанности и разгильдяйства. Нет в них также и преклонения перед злодейкой-модой.

Вот такие мысли преследовали меня в этот час.

И ещё, мой дорогой друг, прошу обратить внимание на критиков-самоучек. Бойтесь их!

Константин Фёдорович Юон говорил, что есть такая индивидуалистическая критика, как некая портретная живопись, в которой не преследуется сходство с оригиналом. Такой критик-одиночка озабочен только пропагандой своего собственного имени, а не общими интересами нашего дорогого с Вами искусства. Так что бойтесь их! И в добрый путь по выставке, дорогой друг!»

Жизненный путь и творческая биография Анатолия Терентьевича Наговицына отмечены большими испытаниями, трудным поиском своей песни в искусстве. Словом, всего того, что с лихвой выпало людям, жившим в России в прошлом веке. Буду-

щий художник родился на Вятской земле в селе Покровском Котельничского района в семье музыкального мастера 10 января 1921 года.

Ещё в детские годы Анатолий Наговицын почувствовал своё призвание к рисованию, а будучи учеником восьмого класса стал лауреатом и победителем школьного, а затем и Всероссийского

конкурса, посвящённого 100-летию со дня гибели А.С. Пушкина. На выставку детского творчества в столице юноша представил свои акварельные рисунки на темы произведений Пушкина «Медный всадник», «Бахчисарайский фонтан», а его рисунок «А.С. Пушкин среди декабристов» был даже опубликован в московском журнале «Искусство». Вот так громко заявил о себе юный художник ещё в школьные годы, до поступления в Одесское художественное училище.

В Одессе Анатолий Наговицын проучился всего полтора года. И хотя Художественное училище там славится великолепным преподавательским составом и учиться Анатолию Наговицыну там повезло у известных художников и педагогов Д.К. Крайнего и М.И. Жука, ему показалось, что он не понимает учителей и не то делает, что

ИЗ КНИГ ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

1923 • ВОЛОГДА • 1973 ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ

нужно. Решив, что в таких условиях он не сможет себя найти, Анатолий Наговицын бросил учёбу в Одессе и уехал в родные места. В дальнейшем жизнь ещё не раз подбросит Анатолию Наговицыну трудные испытания на прочность, но он продолжал целеустремлённо идти к поставленной цели — обрести собственное лицо в изобразительном искусстве.

Поработав год художником и заведующим клубом в Котельниче, Анатолий Наговицын был призван в Военно-Морской Флот и служил музыкантом и художником в ансамбле песни и пляски Амурской военной флотилии в Хабаровске. Участвовал в войне с Японией и демобилизовался только в 1947 году.

Высшее художественное образование Анатолия Наговицына тоже растянулось на несколько лет. Сначала он

учился в Московском институте декоративного и прикладного искусства на факультете художественной обработки металла у известных мастеров Ф.Я. Мишукова и Р.Р. Иодко, но в 1954 году, в связи с упразднением института, Анатолий Наговицын продолжил учёбу в Ленинграде. В Высшем художественно-промышленном училище им. В.И. Мухомовой он завершил образование под руководством В. Ингала, В. Синайского и Н. Медведева, получив диплом с отличием.

Некоторое время А.Т. Наговицын занимался педагогической деятельностью в Уральском училище прикладного искусства в Нижнем Тагиле, затем в Котельниче.

В 1963 году художник переехал в Череповец и навсегда связал свою судьбу с этим городом. Именно в Череповце А.Т. Наговицын серьёзно увлёкся искусством книжного знака, сыгравшем большую роль в его творческой судьбе.

В искусство экслибриса А.Т. Наговицын пришёл сложившимся мастером. Уже первые его книжные знаки отличались глубоким пониманием специфики жанра. Именно тогда и сложились основные принци-

пы формирования стилистики экслибрисов художника и были определены основные графические техники, в которых Наговицын предпочитал создавать свои книжные миниатюры: ксилография и резцовая гравюра.

Экслибрисное творчество Анатолия Терентьевича Наговицына отличается удивительным многообразием тем и сюжетов. Работа над книжными знаками помогла художнику более ярко и отчётливо проявить свою индивидуальность и в станковой графике. Увлечение экслибрисом стало для художника школой мастерства, областью графического поиска и эксперимента. Наговицын много и успешно экспериментирует. Художник создал несколько экслибрисов в сложной

комбинированной технике, сочетающей приемы офорта в его разнообразиях и конгревное тиснение. Художник использовал в таких случаях несколько досок и делал отпечатки знаков не только типографскими красками, но и водяными. Этот цикл Наговицына отличается высокими художественными достоинствами и внешне выглядит так, словно эти миниатюры были созданы в далёком прошлом.

Большинство своих книжных миниатюр А.Т. Наговицын выполнил в гравюре на дереве. Эти экслибрисы стали украшением творческого наследия большого мастера и прославили его имя не только в нашей стране, но и за рубежом. Книжные знаки художника отличает чистота и ясность графического стиля. Наговицын почти не обращался к пространственным композициям, его гравюры по определению декоративные, в них отчётливо видны постоянные поиски необходимого линейного ритма, оригинальной

конфигурации каждого знака и выявление сюжетно — изобразительной основы экслибриса.

Великолепные книжные знаки Наговицын создавал и в технике резцовой гравюры. Сам материал предопределил иную стилистику и тяготение к филигранности отделки формы тонкими линиями, штрихами, а также использование цвета для тоновой подкладки и выявления наиболее существенных живописных элементов.

Экслибрисное творчество Анатолия Терентьевича Наговицына было по достоинству оценено в самом начале виднейшими искусствоведами Москвы и Санкт-Петербурга. Среди них встречаем имена Алексея Алексеевича Сидорова, Сергея Петровича Фортинского, Владимира Дорофеевича Королюка, Евгения Николаевича Минаева, Соломона Абрамовича Вуля, Якова Лазаревича Бейлинсона, Вениамина Викторовича Худолея и многих других знатоков искусства книжного знака, которые дали высокую оценку прикнижной графике мастера из Череповца. Так, профессор А.А. Сидоров отмечал:

«Имя Анатолия Наговицына надо знать. Это — хороший и обладающий уже собственным лицом мастер индустриального пейзажа, северной архитектуры, лесов, просторов необъятной своей Родины. Мастер линогравюры, ярко цветной или контрастно чёрно-белой! Художник высококачественного эстампа. И, к тому же, очень интересный представитель графики «малых форм» — букв и книжных знаков. Талант художника многогранен и бесспорно заслуживает дружественного внимания». (Каталог «Анатолий Терентьевич Наговицын. Отв.

за выпуск В.В. Воропанов. — Вологда, ВОКГ, 1987)

Анатолий Терентьевич Наговицын работал над созданием экслибрисов с огромным увлечением и любовью. Этот неисчерпаемый творческий поиск вдохновлял художника всю жизнь. Среди большого творческого наследия художника в этом жанре искусства графики немало экслибрисных шедевров, вошедших в золотой фонд искусства книжного знака второй половины прошлого века. Оно продолжает служить людям и в XXI веке, поскольку выдающиеся миниатюры большого мастера демонстрируются на самых знаковых и престижных выставках нашего времени, вызывая интерес ценителей искусства графики и книжного знака.

БИБЛИОТЕКА.

ВЛАДИМИРА
ВОРОПАНОВА

Ex Libris

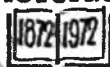

А. МАТОВЫШИН

1972

ЧЕРЕПОВЕЦ

СТОЛЕТИЕ БИБЛИОТЕКИ

Владимира
Корбаева

из книг
центральной
библиотеки
им. В.В. Верещагина
череповец

АВТОГРАФ
Литературно-художественный журнал

61

Обществ. совет: Ю. П. Малоземов,
В. М. Бакуменко, Н. Т. Бушенев,
К. А. Павлов, Ю. Б. Максимов

Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции.

Адрес для писем: 160000, г. Вологда, а/я 220.
E-mail: yurii_malozemov@mail.ru

Вологда
2011

